

Рец. на кн.: **Studien zur deutschen Sprache. Forschungen des Instituts für deutsche Sprache [Text] = Изучение немецкого языка. Исследование Института немецкого языка : [Sammelband]. – Tübingen : Narr Verl., 2012. – Bd. 62 : Raum als interaktive Ressource = Пространство как интерактивный курс / Heiko Hausendorf, Lorenza Mondada, Reinhold Schmitt (Hrsg.). – 436 S.**

Книга «Raum als interaktive Ressource» («Пространство как интерактивный ресурс»), опубликованная издательством Narr (Tübingen / Тюбинген, Германия), представляет собой коллективный труд ученых из Германии, Франции, Финляндии, исследующих мультимодальную концепцию интеракции, в которой лингвистическое описание пространства (коммуникативного, социокультурного, психоментального, физического) как онтологической категории существует наряду с описанием других мультимодальных уровней организации социальной интеракции, таких как просодия (фонация), кинесика (мимика, жестика), проксемика (позы, положение коммуникантов относительно друг друга), и базируется на этнометодологическом концепте, определяющем применение различных методологий при исследовании овладения определенными видами коммуникации социоэтническими группами в реальной ситуации.

В рецензируемом коллективном монографическом сборнике расставляются следующие прагматические приоритеты и используются теоретико-методологические подходы:

- пространство имеет двойственный характер и представляет собой, с одной стороны, предпосылку, а с другой – результат интеракции;
- пространство «мультимодально» организовано и является мультимодальным ресурсом обеспечения интеракции, следовательно, одним из принципов его исследования должна быть мультифокусная ориентация на реконструкцию пространственноорганизующих структур и порождающих механизмов любой коммуникации;

- интеракционное пространство упорядочено интер- и интраперсональными связями, которые представляют собой процесс координации, где вербальная активность коммуникантов непременно сопровождается симультанно-рефлексивными неакцентированными действиями невербального характера.

Понятие ресурса включает в себя представления об условиях и внешнем окружении при осуществлении любого вида общения. Следует отметить, что сами ресурсы могут иметь характер слабой или сильной конвенциональности. К последним, например, относятся грамматика и лексика любого языка. Ситуация и ситуативные действия участников социального акта рефлексивно организуют пространственные ресурсы интеракции таким образом, что они одновременно имплицитно присутствуют в ситуации, используются коммуникантами и в то же время трансформируются в процессе такого применения. В этом и состоит суть этнометодологического принципа рефлексивности. При этом нельзя забывать о том, что пространство как ресурс не обособлено от других ресурсов интеракции (психофизических, социальных, языковых).

Вошедшие в состав монографического сборника работы можно условно сгруппировать по нескольким спектрам:

1) тип ситуации общения и конstellации участников: интерактивные диады, или «face to face» коммуникация (*B. Ausmuß, A. Stukenbrock*); более крупные (*R. Schmitt, H. Hausendorf, W. Kesselheim*) и большие группы в интерактивном действии (*E.-M. Putzier, L. Mondada, K. Pitsch*);

2) типы архитектурных пространств, связанное с ними оборудование и оснащение и, как следствие, возможные способы внутреннего передвижения: ограниченные пространства, такие как учебные кабинеты и классные комнаты (*E.-M. Putzier*), помещения для собраний (*B. Ausmuß*), больших митингов и встреч (*L. Mondada*). Выделенные виды пространств предназначены для институциональной интеракции и характеризуются тем, что один участник социального действия всегда стоит или имеет возможность передвигаться в опреде-

ленном ограниченном пространстве, другие же всегда занимают положение «сидя» в общем зале. Архитектурные типы внутренних пространств определяются различными способами связи с «внешним миром», например открытая дверь учебной аудитории (*H. Hausendorf*) или телестудии (*A. Stukenbrock*), сложностью строения и, соответственно, возможными видами передвижения, например помещение выставки (*K. Pitsch*). Исследуется, наконец, еще один тип пространства – открытое пространство улицы, где снимается фрагмент фильма, – которое по характеру его использования участниками общения относительно гибко и не имеет видимого ограничения (*R. Schmitt*).

Во всех ситуациях интеракции, исключая ситуацию с прослушиванием слабовидящими фрагмента фильма, специально снятого для данной категории людей (*M. Hirvonen, L. Tiittula*), различное оснащение пространства, такое как определенные предметы (для проведения урока химии), стулья и столы в аудитории для семинаров и собраний, приборы и различные субстанции для проведения опытов, кухонная утварь для приготовления пищи в телестудии, технические средства связи для видеоконференции, камера режиссера, определяет характер ситуации, принципы организации общения, фокусирует, проецирует и координирует виды взаимоотношений участников социального действия, выделяет главное лицо и определяет ранги и роли партнеров по коммуникации.

Итак, детальному исследованию подвергаются:

1) кооперация режиссера, двух актеров и ассистента режиссера в работе над эпизодом фильма при передаче концепции сцены и способов символизации функционально-специфической кооперативной и интерактивной деятельности (*R. Schmitt*);

2) общественное собрание по поводу организации нового городского парка, проводимое руководителем акции, который структурирует дискуссию, собирает предложения, дает право голоса и готовит голосование (*L. Mondada*);

3) ситуация в университете, в котором одно из помещений для проведения семинаров переоборудуется для демонстрации фильма (*H. Hausendorf*);

4) посещение музея группой детей, которую сопровождает взрослый, при этом внимание концентрируется на том, как ведет себя группа, передвигаясь по залам, рассматривая витрины и обсуждая экспонаты выставки (*W. Kesselheim*);

5) статус объектов выставки, в данном случае спортивного снаряда «брусья», который по-разному «трактуется» посетителями выставки: то как экспонат выставки, то как часть структурирования интеракционного пространства, то как объект для поддержки тела (возможность прислониться), то, наконец, как собственно спортивная принадлежность (*K. Pitsch*);

6) статически стабильное демонстрационное пространство учебной аудитории для проведения урока химии со специально предназначенными для этого предметами и субстанциями с фокусированной в центре личностью учителя (*E.-M. Putzier*);

7) фрагмент рабочей встречи, в течение которой два менеджера разрабатывают «текст-стратегию» для предприятия, используя при этом один ноутбук, на котором работает только один из менеджеров, и видеопроекцию различных текстов, которую видят оба руководителя встречи (*B. Ausmuß*);

8) специфический и комплексный случай использования «медиаального» пространства, иными словами, пространства, дистантно передаваемого и видеовоспроизводимого в условиях видеозаписи и видеотрансляции определенных передач (на примере телевизионного кулинарного шоу). В данном случае пространство прагматологически конструируется и способно специфическим образом упорядочить ситуацию конкретной интеракции (*A. Stukenbrock*);

9) ситуация «просмотра» специализированной передачи для незрячих людей, которые способны лишь к аудиовосприятию трансляции (*M. Hirvonen, L. Tiittula*).

Обязательным условием при сборе материала является видеосъемка, которая во всех возможных ракурсах позволяет проанализировать различные вариации мультимодального интеракционного пространства.

Ценной в резюмируемом коллективном сборнике является концепция мультимодальной интеракции, которая развивает конверса-

ционный анализ таким образом, что вербально упорядоченные структуры не занимают более главенствующего положения в любой интерактивной деятельности, но последняя предстает как сложный комплекс модально обусловленных упорядоченных структур или интерактивных модальностей, а вербальные средства оказываются органично вписанными в данный контекст. Новый фокус ориентации в исследовании социальной интерактивности позволяет ввести понятие вербальной абстиненции, то есть отказа от вербальной активности одного из участников коммуникации в определенные периоды ее протекания. Использование видеоотрывков в качестве эмпирического материала позволило выявить различные формы активного и пассивного восприятия и установить, какую роль они играют в процессе конструирования локальных интеракционных пространств. Особое место среди существующих механизмов восприятия занимает взгляд как способ демонстрации своего отношения к собеседнику и содержанию его сообщения.

Дополнительным преимуществом видеоанализа как метода исследования интеракции является возможность определить релевантность поведения тех участников мультимодального взаимодействия, которые в данный конкретный момент выступают в роли слушателей и наблюдателей. Концепция «вербальной абстиненции как способа участия в интеракции» (*R. Schmitt*) позволяет оценить вклад тех участников коммуникативного события, которые на данном этапе не проявляют вербальной активности, но тем не менее непрерывно следят за происходящим и демонстрируют свое отношение к нему с помощью жестов, мимики, поз, телодвижений, взгляда и т. д.

В процессе эмпирического анализа видеоматериала авторы убедительно доказывают факт наличия «поздней вербальности», при этом проблемным остается вопрос о том, что язык как ресурс не в состоянии передать в процессе общения и что в этом случае удастся лучше другим ресурсам интерактивного пространства либо не удастся вовсе, если на передний план вновь выступает язык как ресурс и средство коммуникации. Идею координированного сосуществования языка и тела чело-

века в интеракции и с интеракцией не следует понимать так, как если бы то или иное общение начиналось «с нуля», поэтому ресурсы пространства необходимо оценивать с позиций участия того или иного ресурса или модального уровня в манифестации коммуникации.

Еще один аспект, которому до настоящего времени не уделялось должного внимания при изучении интеракционных процессов, – роль восприятия и так называемого «воспринимаемого восприятия» (*Wahrnehmungswahrnehmung, perceived perception*) участников речевого взаимодействия. Анализ видеозаписей позволяет определить, каким образом коммуниканты реагируют на изменения, происходящие в пространстве общения.

Изложенные подходы дают возможность по-новому изучить категорию «пространства» с точки зрения социальных импликаций, позиций и форм мультимодальной координации в триаде «пространство – пространство интеракции – участники в пространстве интеракции» и рассматривать происходящее в контексте би- или мультифокусной ориентации личности в пространстве. Становится все более очевидным, что организация совместного интерактивного пространства представляет собой важную предпосылку не только для включения вербальной активности в общую составляющую процесса общения, но и для выбора возможностей и структуры вербального обмена информацией. Сознвая очевидность воздействия типа и вида пространства на организацию общения, авторы монографического сборника выдвигают тезис о необходимости изучения способов использования коммуникантами пространства как ресурсного единого целого, иначе, ресурса для организации интерактивной деятельности, однако следует помнить и о том, что любой вид пространства оказывает влияние на тип общения. Можно предположить, хотя данный тезис и кажется спорным, что в триаде «пространство – пространство интеракции – участники в пространстве интеракции» все комплексно переплетено и воздействует друг на друга прогрессивным и регрессивным способами.

Изучая аудиовизуальные документы интеракции, исследователи выделяют мультиситуации, в которых вербальная коммуникация является не целью, а, скорее, средством со-

здания кооперативной структуры при обсуждении какого-либо совместного проекта и распределения в нем функционально-специфических и статусно-ориентированных ролей. Такое предположение позволяет выдвинуть идею о существовании концепта «интеракционного ансамбля», в котором сфокусированы личные, пространственные и тематико-прагматические констелляции, представляющие собой как форму кооперации, так и форму участия и соотносительности позиций в пространстве общения. Подобный интеракционный ансамбль не только автоматически занимает определенное пространство, но и сам формирует вокруг себя видимые области, которые и концептуализируются как интеракционные пространства (*R. Schmitt*). Таким образом, оба концепта оказываются тесно связанными друг с другом. Однако не каждая пространственно-территориальная группа автоматически может представлять собой интеракционный ансамбль.

Подводя итог изложенному, отметим, что результаты авторских изысканий вносят неоценимый вклад в развитие теории коммуникации; каждая из статей характеризуется целостностью, доказательностью и логичностью изложения позиции автора.

Рецензируемый монографический сборник в силу новизны и актуальности его проблематики, глубины и многоаспектности освещения категории пространства, многогранности охвата и рассмотрения дискуссионных вопросов, вне сомнений, открывает новую страницу в исследовании моделей формирования категории пространства с позиций междисциплинарной интеграции знаний.

Книга, безусловно, найдет свою читательскую аудиторию – отечественных языковедов и специалистов в смежных с лингвистикой дисциплинах: социологии, социолингвистике, психолингвистике, психологии. Она также представляет интерес для аспирантов и студентов.

А.А. Петрова